

Русская литература в 1843 году

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. II

ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948

Под общей редакцией Ф. М. Головешченко

Редакция С. П. Бычкова

OCR Бычков М.Н.

Литература наша находится теперь в состоянии кризиса: это не подвержено никакому сомнению. По многим признакам заметно, что она, наконец, твердо решилась или принять дельное направление и недаром называться "литературою", или, как говорит у Гоголя Иван Александрович Хлестаков, *смертию окончить жизнь свою*. Последнее обстоятельство, прискорбное для всех, было бы очень горестно и для нас, если б мы не утешали себя мудрою и благородною поговоркою: *все или ничего!* В смиренном сознании действительной нищеты гораздо больше честности, благородства, ума и мужественного великодушия, чем в детском тщеславии и ребяческих восторгах от мнимого, воображаемого богатства. Из всех дурных привычек, обличающих недостаток прочного образования и излишество добродушного невежества, самая дурная - называть вещи не настоящими их именами. Но, слава богу, наша литература теперь решительно отстает от этой дурной привычки, и если из кое-каких литературных захолюстий раздаются еще довольно часто самохвальные возгласы, публика знает уже, что это не голос истины и любви, а вопль или литературного торгашества, которое жаждет прибытков на счет добродушных читателей, или самолюбивой и задорной бездарности, которая в своей лености, апатии, в своем бездействии и своих мелочных произведениях думает видеть неопровержимые доказательства неисчерпаемого богатства русской литературы. Да, публика уже знает, что это торгашество и эта бездарность, по большей части соединяющиеся вместе, спекулируют на ее любовь к родному, к русскому - и свои пошлые произведения называют "народными", сколько в надежде привлечь этим внимание простодушной толпы, столько и в надежде зажать рот неумолимой критике, которая, признавая патриотизм святым и высоким чувством, по этому самому с большим ожесточением преследует лжепатриотизм, соединенный с бездарностью. Публика знает, что ей уже нечего искать в романах и повестях из русской истории или преданий старины, ибо она знает, что русская история и русская старина сами по себе, а таланты наших сочинителей и взгляд их на вещи - сами по себе, и что русский быт, исторический и частный, состоит не в одних только русских именах действующих лиц, но в особенностях русской жизни, развившейся под неотразимым влиянием местности и истории, - так же, как патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине, которое умеет высказываться без восклицаний и обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему во всякой земле, следовательно, во всяком отечестве. Больше же всего и яснее всего публика сознает, что ей нечего читать, несмотря на *восстание* и *воздвижение* разных непризванных оживителей и воскресителей русской литературы и несмотря на громкие возгласы их хвалителей. Это истина неоспоримая. Книгопродавцы то и дело выпускают в свет объявления о новых книгах, которые они издали и которые они намерены издать, - объявления, печатаемые на листах чудовищной величины, гигантским и мелким шрифтом, без политипажей и с политипажам, и с великолепными похвалами этим книгам, написанными книгопродавческим слогом; возвещаемые книги действительно выходят в свет и продаются по объявленным ценам, - а читателям от этого не легче, потому что читать все-таки нечего! Библиографы и рецензенты в отчаянии: им совсем нет работы, нечего разбирать, не над чем потрунить, да нечего и похвалить; в беллетристических книгах картинки хороши или сносны, а текст плосок до того, что не за что зацепиться; потом большая часть книг всё учебники, изредка хорошие, но чаще невинные и в добре и в зле. Отделение библиографии в журналах со дня на день теряет свою занимательность в глазах публики, которая всегда читала рецензию с большею жадностью, большим вниманием и большим удовольствием, чем самую книгу, на которую написана рецензия. Журналы также в отчаянии; им остается разбирать только друг друга: занятие невинное и забавное, которое, впрочем, едва ли может занять публику больше преферанса и домашних сплетней!

Куда ж девались наши книги? где же наша литература?

"Да их поглотили *толстые* журналы!" кричат со всех сторон. "Каких книг, какой литературы хотите вы, если любая книжка толстого журнала в состоянии поглотить в себя литературный бюджет